

Борис Михайлович Пичугин (1922-1997)¹

О Борисе Михайловиче Пичугине рассказывает его близкий друг Анатолий Акимович Куценков (1929 г.р.), индолог, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Востоковедения РАН. Вместе с Б.М. Пичугиным они учились в Институте внешней торговли и работали во Всесоюзном научно-исследовательском конъюнктурном институте.

Все равно получается Пичугин...

Чтобы читателю было понятно то, о чем я буду писать дальше, мне придется делать небольшие отступления. Мы познакомились в 1946 г. в стенах Института внешней торговли, куда Борис пришел прямо из армии, а я из средней школы. Контингент поступивших на первый курс в том году был специфическим. Подавляющее большинство студентов были демобилизованными офицерами. Поскольку для поступления требовалось приличное знание иностранного языка, то основную часть составляли офицеры армейской разведки. Многие из них, окончив институт, снова ушли в разведку. Школьников среди поступивших было очень мало: 5%, может быть, 10%. Не больше. Сначала их фамилии мне ничего не говорили. Только потом я узнал, кто был Агаянц, Молодой, Карбышев и другие. Дети знатных родителей вели себя очень скромно. Я сам видел, как дочь известного маршала вылезала из отцовской машины за несколько остановок до института и остаток пути проделывала пешком.

Понятно, что попасть в этот институт было очень трудно, особенно без «лапы» или громкой фамилии, хорошо известной в узких кругах. Я пришел с улицы и был принят потому, что окончил школу с золотой медалью и успешно сдал экзамен по немецкому языку. Золотые медали были тогда большой редкостью. И относились к ним очень серьезно. На все средние школы Дмитровского района досталось только две медали. Одна из них была моей. А немецкий язык нам в Деденевской средней школе преподавала этническая немка, милейшая Зоя Дмитриевна.

В институте наши старшие товарищи учились очень серьезно. Им приходилось наверстывать пропущенные годы. Нам, школьникам, было намного легче. Мы с моим другом Юрием Алексеевичем Ершовым ухитрились хорошо учиться, участвовать в самодеятельности, писать капустники для институтских вечеров и еще ради интереса посещать заседания Басманного народного суда.

Лихо сыграв однажды роль Тома Сойера, я получил кличку Том, Томми. Так меня и знали многие в институте. Вообще для знания языка нам раз в неделю показывали трофейные фильмы (в основном про ковбоев), поэтому практически у каждого студента-школьника была подобная кличка. Борис меня упорно называл Толиком. Тогда я стал называть его Бориком. Под этими именами мы и были известны.

Вскоре «школьники» образовали свой маленький кружок. В него входили и две очень милые девушки – Лера Лаврова, которой было суждено стать матерью нашего Министра иностранных дел, и Лиля Соколова, которой уже тогда было на роду написано стать Пичугиной. На Лилю блестящий Пичугин «положил глаз» еще в институте. Он стал чаще общаться с нашей компанией. Лиля принимала его ухаживания, и все шло своим чередом.

По окончании института я попросил, чтобы меня направили на работу в Научно-исследовательский конъюнктурный институт, где я проходил практику. Туда же был «распределен» и Б.М. Пичугин. Вскоре Борис женился на Лиле, а я на ее однокласснице

¹ Борис Михайлович Пичугин (1922-1997), доктор экономических наук, главный научный сотрудник Отдела общеевропейских проблем ИЕ РАН.

Светлане Сухачевой. Жили мы по соседству друг от друга. Мы на ул. Дзержинского (сейчас это Большая Лубянка), а они в шаговой доступности от нас – в Печатникотвом переулке. Стали видеться практически каждый день. Для меня Борис был примером во всем. По сути, он взял надо мной шефство. Он часто называл меня разгильдяем и ограждал от рискованных проделок, на которые я был очень горазд. Я ему нравился, видимо, потому, что помогал ему, человеку мнительному, в сущности, расслабиться. Он первым начал печататься в прессе и подвинул на это дело и меня. Я знал, что в жизни я буду заниматься научной работой. Наукой собирался заниматься и Борис.

Однажды он предложил нам поступить в заочную аспирантуру МГУ. Готовились к вступительным экзаменам вместе. Работали до изнеможения. Иногда я уставал настолько, что хотелось все бросить. Но Боря укреплял мой дух, и занятия продолжались. Мы вместе сдали экзамены и одновременно стали аспирантами-заочниками экономического факультета МГУ. По утрам, по пути на работу и вечерами по пути с работы обсуждали проблемы своих диссертаций. Очень много смеялись. Иногда после работы заходили в парк. Брали шашлык, сухое вино. Диссертации мы с Борисом написали одновременно. Но Боря защитил раньше, потому что я в это время находился в Индии в служебной командировке.

Круг наших друзей расширился. Теперь, кроме Бориса Пичугина, Юры Ершова (кличка Билли Бонс) и фронтовика Виктора Михайловича Пятненко (по кличке Старик), в него входили Михаил Семенович Панкин (Самуилович), братья Петр и Владимир Шаститко (Петия и Владя).

Жили весело. Весело отмечали дни рождения. Вспомнил один такой день рождения Бориса. Мы с Ершовым подготовили частушку, «перелицевав» уже известную:

«По реке топор плывет
Из города Чугуева
Ну и пусть себе плывет,
Железяка этакая»

Среди гостей была Эвелина Быстрицкая, и мы колебались - исполнять или не исполнять. Все же исполнили. Быстрицкая тоже смеялась.

Жили хорошо. Жизнь налаживалась. Страна не жалела денег на науку. Сегодня трудно поверить, что в те годы моя заработная плата молодого кандидата наук была равна трем зарплатам инженера. Платили за должность, за степень, за знание языков, за секретность и за выслугу лет. Правда, и наука не оставалась в долгу. Я помню как-то Борис пригласил нас со Светланой на ужин в ресторан. «Пропивали» большую премию, которую получила Лиля за удачно выбранный момент для покупки сахара за границей. Сделка принесла нашему государству миллиардную прибыль.

Счастлирое время – наши отпуска! Отдыхали мы всегда вместе, в Гагре. Почему Гагра? Дело в том, что Лилин отец, бывший заместитель министра морского флота, доставал нам путевки в свой санаторий. Я очень давно не был в Гагре и не знаю, существует ли он сегодня. Это здание санаторного типа с колоннами, расположенное как раз над партийным санаторием какого-то партсъезда. На пляж и с пляжа отдыхающих возили в автобусе. Опоздавшие должны были тащиться пешком по жаре. Поэтому Боря внимательно следил за расписанием.

На отдыхе раскрывались новые черты Пичугина. Приоткрылись и некоторые его слабости. Боря был ревнив, как Отелло. Нескромных шуток в отношении Лили не позволял никому. Однажды я видел его в боевой форме, и мне пришлось внести поправки в его якобы мягкий характер. А дело было так. Мы гуляли по парку, и Лиля отошла выпить газировки. Не успела она встать в очередь, как два аборигена стали к ней приставать. Борис напрягся. Боевую стойку принял и я.

- Том, стой на месте – строго сказал Боря и направился к Лиле.

Он подошел к старшему оболтусу, взял его за руку и отвел в сторону. Боря был одет, как все тогда одевались на курортах – в трикотажную полосатую пижаму. На ней не

было ни внушительной орденской планки, ни каких-либо других знаков отличия. Только лицо его стало жестким, медальным. Я не знаю, что он говорил. Но хулиганы замельтешили и быстро ретировались.

- Что ты ему сказал? - спросил я Бориса. И он в его обычной манере сделал неопределенный жест рукой

- Да так...

Другой случай, казалось бы, мог произойти с кем угодно, но только не с Борисом. Дело было опять в Гаграх. Я что-то съел, и у меня заболел живот. Конечно, посыпались шутки.

- Как же я теперь с ним спать буду? - спросила моя жена Светлана.

Лиля взяла меня под руку. - Не расстраивайся Толик. Я буду с тобой спать. Все рассмеялись. Все, кроме Бориса.

В жизни Бориса была какая-то тайна, которой он не хотел или не мог делиться даже с близкими друзьями. Я убедился в этом все в той же Гагре. Скорее всего, она была связана с его биографией. Родился в Чугуеве, отец бухгалтер, мать домохозяйка, воевал в кавалерии, лошадь звали Жемчужиной. Вот и все, что было о нем известно. Но оставались вопросы: как у скромного советского бухгалтера мог сын в совершенстве выучить немецкий язык? Как он мог получить блестящее музыкальное образование? На вечерах самодеятельности Борис виртуозно исполнял сложные пьесы западных композиторов.

Он чего-то опасался. Когда мы в одно прекрасное утро расположились на топчанах на пляже, я заметил, что Боря нервничает и украдкой бросает взоры в сторону молодого парня, который, казалось, тоже ищет случая встретиться с Борисом глазами. И надо же случиться такому везению. Выходя из воды, парень протянул руку Борису с просьбой помочь преодолеть валик намытой прибором гальки. Боря, оглянувшись, быстро сунул ему руку и попытался на этом закончить встречу. Но мужик не унимался... Когда он ушел, я голосом полным недоумения сказал, обращаясь к Борису:

- Смешной народ, щелкает все подряд, пленки не жалеет.

- Ты о чем Толик?

- Да когда вы разговаривали, вон тот человек штук десять ваших фото сделал.

Я показал на мужчину, который спал, накрыв лицо соломенной шляпой и с ним рядом лежал фотоаппарат.

Боря побледнел, стал собираться.

Я попытался исправить оплошность, объяснял ему, что это дурацкая шутка. Он мне все равно не поверил. В это время на товарной станции Гагра маневровый паровоз повредил вагон с ромом. Товар был подпорчен, и ром пустили в продажу на местном рынке. Им торговали в любом ларьке. По дороге в санаторий нам пришлось утешать Пичугина почти у каждого ларька. В этот день единственный раз в жизни я видел его пьяным.

Потом наша компания стала таять. Решением ЦК КПСС я был в 1958 г. направлен в Прагу в журнал «Проблемы мира и социализма». Борис уехал в Женеву («в эмиграцию» говорил Панкин). Из Праги меня послали в Дели региональным корреспондентом газеты «Правда». Вскоре туда приехал Юра Ершов на должность заместителя торгпреда. В один прекрасный день на балконе корпункта «Правды» в Сундарнагаре оказались мы с Ю. Ершовым и Мишей Панкиным, который возвращался с конференции в Токио. Сначала выпили бутылку японского виски «Сантори». Но кто-то сказал, что все же скотч мягче. Решили проверить. Тем временем Миша рассказывал о жизни в Женеве. Эх, жаль Бориса нет. Он так бы был рад.

- А давайте дадим ему телеграмму... Я сходил в кабинет, принес машинку, и мы сообща начали сочинять дурацкий текст в духе шпионского детектива: «Первый второму. В Дели оказались троим. Билли состоит резидентом по торговой части. Майкл выполнил приказ и прибыл из Токио. Троим прикончили «Сантори». Пора бы разобраться и с

Джонни. Займитесь этим лично. По исполнению доложите. Том». Я уже потянулся к кнопке вызова шофера, чтобы он отвез депешу на телеграф.

Как всегда, первым протрезвел М. Панкин.

- Вы что, ребята, Борю убить хотите?

Нет, Борю никто убивать не хотел. Его мы все любили и старались не повредить его здоровью. Решили, что Миша ему просто расскажет о встрече.

Бориса Михайловича Пичугина убил осколок немецкого снаряда, засевший у самого сердца. Он много лет был неподвижен и почти сросся с телом. Но в тот момент он по какой-то причине сдвинулся с места.

Апрель 2020 г.